

Константин Лидин – кандидат технических наук, докторант психологии, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения /
Konstantin Lidin – Ph.D. in Engineering, candidate for degree of Doctor of Psychology, Ass. Professor of the Department of Management at Irkutsk State University of Railway Engineering

В современном мире урбанизация принимает массовый характер. Мощные потоки людей переселяются из более бедных регионов в города, где уровень потребления выше. Отказ от традиционного аскетического образа жизни у мигрантов занимает не менее 15–25 лет. На протяжении этого срока «новые горожане» стремятся к образованию мест компактного проживания с архаичным укладом жизни, антисанитарией, высоким уровнем криминогенности и авторитарным местным самоуправлением. Процессы образования и распада аскетического анклава рассмотрены на примере торгового района Шанхайка в Иркутске.

Ключевые слова: урбанистика, миграция, сегрегация, образ жизни. /

In the contemporary world urbanization becomes a large-scale process. Huge flows of people migrate from poorer districts to the cities with a higher level of consumption. It takes migrants about 15–25 years to give up their traditional ascetic way of life. In this period the 'new citizens' try to arrange compact settlements with an archaic way of life, insanitary conditions, high criminogenity and an authoritative local self-government. The processes of formation and decay of the ascetic enclave are viewed through the example of the 'Shanghai' trading neighborhood in Irkutsk.

Keywords: urban studies; migration; segregation; way of life.

Урбанизация, миграция, информация / Urbanization, Migration, Information

Введение.

Урбанизация и миграция

На протяжении нескольких последних веков человеческая цивилизация переживает массовую и все ускоряющуюся урбанизацию. Фактически урбанизация представляет собой массовую миграцию людей из малых поселений в более крупные. В истории этого процесса можно обнаружить примеры миграции, носящей межнациональный (а по сути – межгосударственной) характер. Такой была урбанизация в США во второй половине XIX – начале XX века, которая происходила в основном за счет мигрантов из Европы. За период 1840–1920 годы население США выросло от 17,1 до 105,7 млн, при этом приток иммигрантов в первом поколении (foreignborn) возрос от 0,1 до 8,2 млн чел. за десятилетие, а процент городских жителей также непрерывно рос от 10,8 до 51,2 %. В 1840–1880 годы миграционные потоки происходили в основном из Ирландии, Великобритании и Германии, а в 1880–1920-е – из России, Австро-Венгрии, Канады, Италии, Балканских стран [1]. Но в любом случае мощный поток переселенцев из Старого Света преимущественно распределялся по крупным городам, обеспечивая быструю урбанизацию.

Урбанизация, которую в настоящее время переживают страны Юго-Восточной Азии и Африки, носит в основном внутринациональный характер. Так, по данным ООН, лидерами в скорости урбанизации на ближайшие десятилетия останут-

ся Индия (в период с 2014 по 2050 год ожидается прирост городского населения на 404 млн жителей), Китай (ожидаемый прирост жителей крупных городов составляет 292 млн) и Нигерия (212 млн горожан дополнительно в период 2014–2050 годы) [2]. Практически весь ожидаемый прирост городского населения произойдет за счет внутринациональной миграции сельских жителей в крупные города. В то же время события последнего времени свидетельствуют о новых волнах межгосударственной миграции из районов, охваченных военными действиями, в Европу. И в подавляющей массе своей эти мигранты оседают в городах.

В истории урбанизации можно выделить также еще один, «смешанный» тип, при котором миграция в крупные поселения происходит внутри одного многонационального государства и, по сути, является одновременно внутрисоциальной и межнациональной. Наиболее массовым примером урбанизации такого рода является период сталинской индустриализации (1928–1941 годы) в СССР. Наилучшее представление о масштабах миграции дают сведения об изменении доли городского населения между переписями: с 17,9 % в 1926 году до 29,2 % в 1939-м. Количество городских жителей выросло почти на 30 млн чел., то есть на 112 % за двенадцать лет. Аналогичный рост городского населения в США потребовал около тридцати лет, с 1860 по 1890 год [3, 4].

При всех различиях, которые

можно отметить в каждом конкретном примере массовой крупномасштабной урбанизации, имеет место устойчиво повторяющийся элемент. Это мигранты, которые составляют страту «новых горожан» и являются в массе своей носителями особого аскетического образа жизни.

Миграция и информация

Центральное понятие теории информационных потоков – понятие информации – не имеет общепринятой дефиниции [5]. Адрианс и ван Бенем приводят более пятнадцати различных определений информации, начиная с Цицерона, древнекитайских и средневековых арабских мыслителей. Понятие информации используется в разных смыслах в физике, математике, логике, лингвистике и так далее. Свой обзор авторы заканчивают вопросом: а не следует ли рассматривать информацию лишь как метафору, вовсе не имеющую точного смысла?

В наших теоретических построениях мы определяем информацию как структурный аспект существования материи. Наряду с вещественным аспектом, отражающим способность материи покоиться, и энергетическим аспектом (способность материи меняться), информация отображает неотъемлемое свойство материи – структурированность.

Информация характеризуется двумя параметрами: количественным и качественным. При этом если количество информации выглядит достаточно объективно и может быть измерено независимым от

наблюдателя образом, то качество информации носит вполне субъективный характер. Качество, то есть соотношение полезной информации к ее общему количеству, полностью зависит от воспринимающего эту информацию субъекта. Релевантность, адекватность, полезность, истинность и прочие свойства информации полностью предопределены целями деятельности субъекта, интерпретирующего информацию.

Для рассмотрения проблем теоретической и практической урбанистики, однако, более полезным становится понятие не самой информации, а ее потока. Движение информации (то есть структуры) в пространстве во многих случаях остается процессом загадочным и слабо изученным. Наиболее простой и очевидный случай заключается в том, что информация движется вместе с некоторым материальным объектом (носителем информации) – тогда в пространстве перемещается одновременно вещество, энергия и информация. Например, если человек едет из Лиона в Париж, то его автомобиль одновременно перемещает в пространстве около семидесяти килограммов воды, примерно двадцать килограммов органических и неорганических веществ (тело человека), энергетическую систему мощностью около двухсот ватт и огромный «сгусток» информации размером около 1028 бит (или около миллиона зеттабайт). Движение информации вместе с ее вещественным носителем

происходит также при транспортировке бумажных книг и журналов, компакт-дисков, картин, постеров и так далее.

Движение информации на энергетическом носителе также выглядит вполне привычно. Сотовая связь, телевидение, оптические волоконные кабели – все эти каналы передают информацию в виде модулированных колебаний электромагнитных полей, которые практически не имеют массы (и, следовательно, почти полностью лишены вещественного, инерционного аспекта материальности). Глобальный поток информации на энергетических носителях сегодня составляет величину примерно 1–5 зеттабайт в год. Каким образом информационные потоки такой интенсивности влияют на человека – неизвестно, потому что подобная интенсивность даже приблизительно не достигается ни в одном из природных глобальных процессов движения информации.

Еще меньше изучены процессы движения информации «в чистом виде», не сопровождающиеся перемещением массы и энергии. Такие процессы можно наблюдать, например, при движении фронта кристаллизации в замерзающей воде. Структура льда движется по мере превращения жидкой воды в твердую, но ни сама вода, ни какие-либо электромагнитные поля при этом не перемещаются. Такого рода процессы применительно к человеку или человеческим сообществам остаются пока что полной terra incognita.

Тем не менее мы считаем, что понятие информационных потоков уже сегодня способно служить методологической основой для теоретической урбанистики.

Введем понятие места (place) как некоторого ограниченного фрагмента информационного поля, внутри которого производство и потребление информации носит равномерный характер: то есть все люди, находящиеся в данном месте, производят и потребляют информацию одинаковым образом. Заметим, что место может определяться не только географически (как некая область в пространстве), но и социально, как страта, внутри которой соблюдается единый образ жизни. Тогда поток полезной информации, производимой в данном месте, равен:

$$P = k_p \cdot P_i \cdot N, \quad (1)$$

где P – поток производимой полезной информации, k_p – качество производимой информации, P_i – поток информации, производимый одним жителем данного места, N – количество жителей в данном месте.

Аналогично поток потребляемой информации составляет:

$$C = k_c \cdot C_i \cdot N, \quad (2)$$

где C – поток производимой полезной информации, k_c – качество производимой информации, C_i – поток информации, производимый одним жителем данного места.

Потенциал данного места, таким образом, равен:

$$U = P - C = (k_p \cdot P_i - k_c \cdot C_i) \cdot N. \quad (3)$$

Теперь рассмотрим единичного иммигранта, недавно приехавшего в

данное место. Производительность его труда в основном определяется уровнем развития технологий, а не личными качествами. Поэтому производимый им поток информации (и количественно, и качественно) можно считать равным тому, который производит местный житель. Напротив, уровень потребления у иммигранта заметно отличается от такового для местных жителей:

$$\begin{aligned} k_p^n &= k_p^m \\ P_i^n &= P_i^m \\ k_c^n &> k_c^m \\ C_i^n &> C_i^m, \end{aligned} \quad (4)$$

где p показывает величины, относящиеся к местному жителю, а m – к иммигранту.

Таким образом, наличие иммигрантов аскетического типа создает добавочный потенциал места:

$$\Delta U = (k_c^{n*} C_i^n - k_c^{m*} C_i^m) \cdot M, \quad (5)$$

где ΔU – прирост потенциала места в результате иммиграции, M – число аскетических иммигрантов.

Однако в процессе ассимиляции аскетичность иммигрантов утрачивается, а уровень потребления – растет. Очевидно, скорость ассимиляции пропорциональна различиям в образе жизни мигранта и местного жителя. Поначалу, когда различия очень велики, изменения происходят быстро и зачастую болезненно. Затем изменения замедляются, и лишь какие-то незначительные детали аскетического образа жизни могут сохраняться долгое время:

$$d(k_c^{m*} C_i^m) / dt = \alpha (k_c^{n*} C_i^n - k_c^{m*} C_i^m), \quad (6)$$

где α – коэффициент, характеризующий соотношение привер-

женности мигрантов к привычному аскетическому образу жизни и того давления, которое оказывают на них местные жители, навязывая свою адхократию.

Из уравнения (6) следует:

$$\Delta U(t) = \Delta U * (1 - \exp(-\alpha t)), \quad (7)$$
 где $\Delta U(t)$ – величина прироста потенциала места в результате иммиграции с учетом ассимиляционных процессов.

Урбанизация и трущобы

Период, за который мигранты практически сравниваются по уровню потребления с местными жителями (период ассимиляции) в среднем составляет 15–25 лет [6]. За этот срок экономический эффект от приезда мигрантов исчезает. Для того чтобы сохранить «миграционную прибавку» потенциала места, необходимо либо поддерживать постоянный приток мигрантов, либо тормозить процессы ассимиляции (принимать меры к снижению величины параметра α). Во втором случае аскетические мигранты образуют изолированные анклав, сегрегируются от местных жителей и продолжают поставлять дешевую рабочую силу – настолько долго, насколько эффективна сегрегация.

В результате возникают трущобные поселения, в которых (с точки зрения адхократических горожан) царят нищета, дискомфорт, антисанитария и архаические социальные отношения. По данным ООН, максимальный процент людей, живущих в трущобах, наблюдается как раз в регионах с максимальной скоростью урбанизации. Так, в городах Южной Азии жители трущоб составляют от 25 до 35 % городского населения, а в африканских странах южнее Сахары – превышает 60 %. В глобальном масштабе число жителей городских трущоб на 2015 год составляет около 863 млн, в сравнении с 650 млн в 1990-м и 760 млн в 2000 году [7].

С точки зрения урбанистической теории информационных потоков аскетический (кинический, иктиральный) образ жизни является одним из четырех базовых стилей жизни [8]. Он отличается ориентацией на минимизацию потоков информации. Основной ценностью для него является стабильность и соблюдение традиций. В экономическом плане этот образ жизни тяготеет к дауншифтингу, к рентным отношениям (экономика строится в основном за счет использования прошлых накоплений) и к простейшим натуральным (дориночным) формам обмена. В политическом

плане аскетический образ жизни опирается на авторитет прошлого, традиций, устоявшихся ритуалов и архаичных социальных структур. В градостроительном плане он проявляется в виде стремления к замкнутым концентрическим структурам поселений, со слабо развитой транспортной и инфраструктурной сетью, стабильным населением и пониженным уровнем жизнеобеспечивающих технологий.

Аскетическому образу жизни противоположен адхократический (гедонистический, мегахарический), ориентированный на максимально плотные потоки информации, прогресс, демократию и линейные урбанистические структуры с развитыми системами транспортировки людей, товаров, энергии, то есть в общем случае информации.

Вывранный из «идиотизма деревенской жизни» (К. Маркс) [9], новый горожанин продолжает сохранять установки и ценности привычного образа жизни. Низкий уровень потребления, присущий аскетическому стилю, в сочетании с высокой производительностью труда (характерной для городской адхократии) приводит к тому, что новые горожане становятся чрезвычайно выгодными работниками. Дешевая рабочая сила вчерашних крестьян, готовых работать буквально за кусок хлеба, служит основой для быстрого экономического роста.

Наиболее обучаемые и гибкие представители нового горожанства быстрее осваивают адхократический стиль жизни, и их уровень потребления быстро растет. Они приобретают навыки демонстративного и символического потребления, вкус к роскоши и разнообразным излишествам – в результате нарастает разрыв между разбогатевшими представителями новых горожан и более инерционной аскетической массой. Лишь через 15–25 лет, когда вырастает новое поколение «рожденных в городе», разрыв между богатыми и бедными может стабилизироваться, а затем и сократиться. Так формируется широко известная «кривая Кузнецца» (график зависимости индекса неравенства доходов от скорости экономического роста) в виде перевернутой буквы U. Если же социальные лифты работают недостаточно активно и не стимулируют молодежь к смене образа жизни, аскеза может закрепиться и в последующих поколениях горожан.

Иркутский опыт. Убанизация, миграция и китайский рынок

Наглядный пример процессов, сочетающих миграцию, урбанизацию и «трусобизацию», представляет собой один из районов города Иркутска (Россия, Восточная Сибирь). Традиционно Иркутск является крупным торгово-транспортным узлом на пути между азиатской и европейской частями России и, шире, между Восточной Азией и Европой.

В начале 1990-х годов, на фоне ослабления центрального правительства и распада СССР, в Иркутск хлынул практически бесконтрольный поток мигрантов из стран Юго-Восточной Азии и постсоветских республик Средней Азии и Кавказа. Особенно многочисленными были мигранты из Маньчжурии и других северных провинций Китая, уровень жизни в которых тогда сильно отставал от промышленно развитого юга этой страны. Мелкие мигранты, сохраняя связи с родиной, занялись организацией торговли в обе стороны. Этих торговцев именовали «челноками», потому что они постоянно сновали из одной страны в другую, перевозив самостоятельно закупаемый товар. Они компактно селились в старом, преимущественно деревянном и неблагоустроенном районе Иркутска вокруг Центрального рынка, где быстро образовался специфический селитбно-этнический конгломерат под жаргонным названием Шанхайка (маленький Шанхай). Здесь же развернулась и стихийная торговля привозимым товаром – вещами, посудой, обувью, предметами домашнего быта и проч.

Шанхайка образовалась в результате того, что городские власти предложили «челнокам» уйти с улиц города в специально отведенное для них место. До этого торговля шла прямо на тротуарах, под самодельными навесами, в деревянных исторических зданиях, с незаконно выпиленными фасадными стенами что, естественно, вызывало массу конфликтов. Официально рынок был создан в начале 1993 года, а уже к лету 1993-го на этом стихийном рынке постоянно работало 500–600 продавцов. В целом (по данным областного статистического управления) средняя выручка за месяц достигала суммы, эквивалентной 1,8–2,2 млн долл. [10]. С учетом бушевавшей тогда гиперинфляции, получалась весьма впечатляющая цифра – 2–3 млрд руб., что примерно равнялось товарообороту всех остальных торговых

предприятий центральной части Иркутска.

В первые месяцы работы Шанхайка выглядела как огороженная забором и засыпанная гравием площадка. Товары раскладывались прямо на земле, а в случае дождя прикрывались сверху полимерной пленкой. Однако уже через несколько месяцев торговцами самостоятельно были построены деревянные прилавки и навесы над ними, примитивные туалеты и камеры хранения тюков с товарами. Каждый погонный метр такого прилавка представлял собой отдельное рабочее место торговца. Текущий запас товаров хранился под прилавком, а деньги – просто в карманах. К весне 1995 года число рабочих мест на рынке выросло до 1200, ежедневное число покупателей колебалось от трех до восьми тысяч в зависимости от сезона и дня недели. Обслуживало рынок сорок восемь человек [11].

В течение последующего десятилетия Шанхайка изменялась мало: такие же примитивные торговые места, скученность, дикая антисанитария и слабый контроль со стороны официальных органов правопорядка. Торговцы преимущественно ночевали недалеко от своих рабочих мест, иногда прямо на тюках с товаром. Тут же готовили еду и справляли минимальные гигиенические нужды. Санитарные и противозидемические службы города с ужасом списывали ситуацию, которая сложилась вокруг Шанхайки. Многие торговцы приезжали в Иркутск нелегально из районов, где в природных условиях сохраняются очаги особо опасных инфекций, вплоть до холеры, чумы, тифа и прочих страшных болезней, но какая-либо защита от этих угроз отсутствовала.

Не менее напряженно выглядела и криминогенная обстановка в этом районе. Значительный товарно-денежный поток, лишь частично подконтрольный налоговым и таможенным службам, невнятный визовый статус многих торговцев, слабое знание русского языка и законов – все это создавало весьма благодатную почву для всех форм рэкета, мошенничества, воровства и коррупции. «В соседних с рынком домах и усадьбах открыта масса незарегистрированных частных столовых, кафе, общественных туалетов. Их регулярно закрывают санитарные власти, но они так же регулярно возрождаются. Имеется парикмахерская, фотография, платный переговорный пункт. Открыт

стоматологический кабинет. Есть бильярдная, залы игровых автоматов. Регулярно организуются собачьи бои. Функционирует нелегальное казино, с которым безуспешно борется милиция и налоговые органы. По сообщениям иркутских газет, оно прекрасно оборудовано и доходы его могут доходить до сотен тысяч рублей в день. В марте 2004 г. правоохранительные органы раскрыли подпольное предприятие по изготовлению поддельных документов для торговцев» [12].

Двадцать лет Шанхайка процветала в центре Иркутска. Некоторые торговцы рынка разбогатели и приобрели респектабельность, да и основная масса перестала производить впечатление нищих и униженных чужаков. Но лишь в 2013 году группа иркутских урбанистов инициировала переговоры с собственниками земельных участков в районе рынка о возможных проектах кардинального приведения этой территории в более цивилизованный вид.

Эксперты и добровольцы Сибирской лаборатории урбанистики приступили к комплексному анализу ситуации в этом районе. Была собрана вся доступная градостроительная документация, реестр собственников земельных участков, проведена опись и фотографирование каждого строения. Положение дел осложнялось тем, что в этом районе, одном из старейших в Иркутске, находится множество зданий и строений, обладающих статусом памятников истории и архитектуры. Был проведен анализ документации по охране памятников и сопоставлен с тем, в каком реальном состоянии находятся эти памятники. Так как на некоторые участки доступ был закрыт (собственники не соглашались впустить «шпионов» на свою территорию), урбанисты арендовали беспилотный летательный аппарат и часть съемок провели с воздуха.

Уже на этой стадии работ с участков начали вывозить железнодорожные контейнеры, которые торговцы в большом количестве (порой в несколько рядов – друг на друга) за прошедшие годы завезли и использовали в качестве складов товара, разбирать самостроенные сараи. Возможно, торговцев напугал вид летающего над ними дрона, а возможно тот факт, что к наведению порядка подключилась полиция. Как бы то ни было, собственники земли поменяли свое отношение, или сработала совокупность причин, но рынок со

всеми его вопиющими нарушениями законности исчез за три дня. На освободившейся площади около 43 гектаров начал разворачиваться комплексный проект «Иркутские кварталы» на принципах многофункциональности, соразмерности человеку, проницаемости, бережного отношения к культурному наследию и современности. Сегодня проект находится в стадии активной разработки, часть объектов уже реализована.

Итак, опыт периодов быстрой урбанизации – как внутринациональной, так и межгосударственной – позволяет сделать ряд выводов.

1. В отличие от естественной урбанизации, протекающей со скоростью не выше 1–5 % населения в год, возможна ускоренная (быстрая) урбанизация, когда в городе переселяются сотни тысяч и миллионы сельских жителей в год.

2. Быстрая урбанизация, вызванная массовой миграцией носителей аскетического образа жизни в адхократическую среду больших городов, может служить основой для быстрого экономического роста за счет разницы в производительности труда и низком уровне потребления «новых горожан».

3. Смена образа жизни мигрантов происходит в течение 15–25 лет, причем первоначально адхократический стиль жизни усваивают немногочисленные, наиболее гибкие представители «новых горожан». За счет этого растет разрыв в уровне доходов (индекс Джини) и формируется график, описываемый «кривой Кузнецца».

4. До тех пор пока аскетический образ жизни преобладает в среде мигрантов, они стремятся поселиться компактно, образуя поселения труппного типа. В этих поселениях наблюдается целый ряд архаических черт – антисанитария, высокая криминализованность, местное самоуправление с элементами феодального или даже рабовладельческого уклада.

5. В ситуации быстрой миграции попытки равномерно рассеять мигрантов в городской среде и помешать им компактно поселиться в труппах приводят лишь к росту социальной напряженности и массовым конфликтам между аскетическими и адхократическими жителями города. Эти конфликты носят глубокий характер (на уровне базовых жизненных ценностей) и не могут быть преодолены раньше, чем произойдет естественная смена поколений.

6. Теоретические положения данной статьи продемонстрированы на примере истории района компактного проживания иммигрантов в Иркутске. Район образовался как реакция городских властей на растущее недовольство горожан нашествием мигрантов (главным образом из Северного Китая). Сразу после создания район принял совершенно труппный облик с характерной антисанитарией, криминализованностью и архаичными формами самоуправления. Через двадцать лет после своего основания район Шанхайка исчез практически мгновенно, и на его месте началось строительство благоустроенного многофункционального комплекса.

**Константин Лидин /
Konstantin Lidin**

Литература

1. Barton J. J. Peasants and Strangers: Italians, Roumanians, and Slovaks in an American City, 1890–1950. – Cambridge : Harvard University Press, 1975.
2. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Highlights (ST/ESA/SER.A/352).
3. Kessler G. C. The Peasant and the Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–1940. PhD-thesis. – Florence : European University Institute, 2001.
4. Lorimer F. The population of the Soviet Union: History and Prospects. League of Nations. Geneva. – New York: Princeton University Press, 1946.
5. Adriaans P., Benthem J. van. Introduction: Information is what Information does // Handbook of the Philosophy of Science. Vol. 8: Philosophy of Information. – North Holland: Elsevier, 2008. – P. 7–33.
6. Glazer N., Moynihan D. P. Beyond the Melting Pot. – 2nd. edition. – Cambridge : M.I.T. Press, 1970.
7. Naison Mutizwa-Mangiza. Sustainable urbanization in the post – 2015 UN development agenda. – New York: UN-Habitat, 2015.
8. Лидин К. Горожанство. В поисках универсального определения городской среды // Проект Байкал. – 2015. – № 45. – С. 84–90.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – М. : Вагриус, 2007. – С. 27.
10. Дятлов В. И. Китайский рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Изв. Ирк. гос. ун-та. – 2014. – Т. 10. – С. 103–119.
11. Григорьева М. А. Территориальные особенности развития розничной

торговли в условиях экономических реформ: на примере Иркутска : дис. ... канд. эконом. наук. – Иркутск, 2004.

12. Дятлов В., Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Проект Байкал. – 2014. – № 42. – <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/798/789>

References

- Adriaans, P., & Benthem, J. van. (2008). Introduction: Information is what Information does. Handbook of the Philosophy of Science. Vol. 8: Philosophy of Information (pp. 7-33). North Holland: Elsevier.
- Barton, J. J. (1975). Peasants and Strangers: Italians, Rumanians, and Slovaks in an American City, 1890–1950. Cambridge: Harvard University Press.
- Dyatlov, V. I. (2014). Kitaisky rynek 'Shanghai' v Irkutске: rol' v zhizni gorodskogo soobshchestva [Chinese market 'Shanghai' in Irkutsk: its role in the urban community life]. Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 10, 103-119.
- Dyatlov, V., & Kuznetsov, R. (2014). "Shanghai" in Irkutsk Downtown. Ecology of the Chinese Market. project baikal, 11(42), 120-129. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.42.798>
- Glazer, N., & Moynihan, D. P. (1970). Beyond the Melting Pot (2nd ed.). Cambridge: M.I.T. Press.
- Grigorieva, M. A. (2004). Territorialnye osobennosti razvitiya roznicnoi trgovli v usloviyakh ekonomicheskikh reform: na primere Irkutsk [Territorial peculiarities of the development of retail trade in the context of economic reforms: Irkutsk case study] (PhD thesis). Irkutsk.
- Kessler, G. C. (2001). The Peasant and the Town. Rural-Urban Migration in the Soviet Union, 1929–1940 (PhD thesis). Florence: European University Institute.
- Lidin, K. (2015). Urbanship: In search for a comprehensive definition of urban environment. project baikal, 12(45), 84-89. doi:<http://dx.doi.org/10.7480/projectbaikal.45.896>
- Lorimer, F. (1946). The population of the Soviet Union: History and Prospects. League of Nations. Geneva. New York: Princeton University Press.
- Marx, K., & Engels, F. (2007). Manifest Kommunisticheskoi partii [Manifesto of the Communist Party]. Moscow: Vagrius.
- Naison Mutizwa-Mangiza (2015). Sustainable urbanization in the post – 2015 UN development agenda. New York: UN-Habitat.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. World Urbanization Prospects: The 2014 Revision, Highlights (ST/ESA/SER.A/352).